

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ

Урок 61, глава 17. Продолжение.

На прошлом уроке мы завершили изучение первой части 17-й главы Евангелия от Матфея, посвящённой преображению. Поистине, это почти непостижимое событие - совместное общение Моисея, Илии и Иисуса - является одним из самых загадочных во всей Библии, и что делает его ещё более таинственным, так это то, что его смысл, именно то, что оно должно означать, не указан. Я могу только предположить, что, либо авторы Евангелий не знали этого, потому что в их источниках об этом не говорилось, либо это считалось очевидным для верующих в 1 веке. Итак, что же могли извлечь из этого ученики в еврейском контексте?

Вкратце: я прихожу к выводу, что из преображения должны были быть извлечены по крайней мере два разных вывода, а может быть, и больше. Одно можно сказать наверняка: смерти очень боялись, потому что то, что происходило после, было неизвестным в еврейской вере. Т.е. вопрос о возможности жизни после смерти был предметом постоянных дебатов в еврейском религиозном руководстве и, следовательно, также оставался неясным в умах учеников Христа. Я полагаю, что появление давно живших Моисея и Илии вселило в них долгожданную надежду на то, что жизнь после смерти все-таки есть. Поэтому следующий вопрос, который возник у них в голове, был: как этого достичь?

Не настаивая на том, какая точка зрения правильна, я хочу сказать, что моя собственная точка зрения отличается от традиционной христианской тем, что в этом богоявлении есть только один смысл, и он заключается в том, чтобы сообщить ученикам о чём-то, касающемся **Йешуа**. Таким образом, первый момент преображения заключается в том, что из него должны были извлечь выгоду 2 разные группы людей: 3 ученика, которые присутствовали в качестве свидетелей, и сами Моисей и Илия, как участники. Предполагалось, что ученики поймут, что Моисей как представитель закона (или, возможно, всей Торы), Илия как представитель пророков, и **Йешуа** как богочеловек-Искупитель, на которого указывали Моисей и Илия, были чётко связаны и имели общность, и каждый из них является необходимой вехой и участником долгого пути к искуплению и восстановлению. И хотя то, что делали и говорили Моисей и Илия, было пророческим и (после долгого ожидания) в настоящее время исполняется в Иисусе, всё же всё это оставалось актуальным (что Христос совершенно ясно дал понять в нагорной проповеди).

Следует признать, что это бросает вызов наиболее распространённому взгляду христианства, согласно которому единственным событием, когда три фигуры появились вместе, была передача эстафетной палочки. То есть преображение

означало, что Иисус заменил Моисея и Илию, и, следовательно, Он отменил закон Моисея. Я утверждаю, что ничто в этом сценарии не подразумевает и даже не намекает на то, что преображение было церемонией замены. Некоторые комментаторы указывают на тот факт, что лицо и одежда **Йешуа** светились, что свидетельствует о том, что Он заменил Моисея и Илию. Я говорю, что из трёх фигур Он единственный, кто был божественен, поэтому логично, что Его лицо и одежда светились и выделяли Его как божественного. Так что, на мой взгляд, эта идея о замене - гораздо более поздняя доктрина христианской церкви, которая вновь зачитывается в этой истории.

Второй момент преображения связан с не менее загадочным сошествием Христа на землю перед Его вознесением на небеса. Об этом говорится в главе 4 послания к Ефессянам. Я интерпретирую это событие как нечто, что связано с посещением **Йешуа** лона Авраама, места обитания ушедших душ праведников, умерших до пришествия Икупителя. Мне сотни раз задавали вопрос: куда в вечности попадают люди, умершие в эпоху Ветхого Завета? Что ж, Иисус сошёл к ним, чтобы объявить этим душам, что теперь они искуплены и достигли высокого уровня праведности, который даёт им доступ на небеса, и эти души, давно находившиеся на лоне Авраама, были освобождены. Мне кажется, что Моисей и Илия должны были быть выпущены оттуда. Каким бы высоким ни был их статус, они всё равно оставались сугубо человеческими существами, рождёнными с той же греховной природой, что и Адам. Где они жили в духе, так сказать, в течение многих столетий, которые их не было, неясно. Отец отделил их от всех остальных людей, и их уход произошёл при загадочных обстоятельствах. Я подозреваю, что ни один из них не жил на лоне Авраама, но, возможно, только Моисей.

Тем не менее, поскольку периоды их активности и уход с этой земли произошли задолго до пришествия Мессии и Икупителя Иисуса, они, подобно пленникам на лоне Авраама, также должны были быть освобождены. Итак, Бог поставил эти два великих образца еврейской веры перед **Йешуа**, чтобы Он мог объявить об окончании их плена, или, возможно, это было объявление об их искуплении (что также символизировалось освобождением пленников из лона Авраама), и таким образом, это было отражением того, что вскоре должно было произойти. Моисей и Илия, по-видимому, были первыми из тех, кто покинул эту землю и физическую жизнь и был освобождён (искуплен). Лишь немного позже, после Своей смерти и воскресения, **Йешуа** сделает то же самое для тех тысяч или миллионов праведных душ, которые веками оставались в безопасности под Божьей опекой на лоне Авраама.

Верно ли то, о чём я сейчас сказал? Я спрошу **Йешуа**, когда Он вернётся.

Давайте перейдём к следующему разделу 17-й главы Евангелия от Матфея. Мы начнём с чтения следующих нескольких стихов, в которых рассказывается эта история.

ПРОЧИТАЙТЕ МАТФЕЯ 17:14-21.

Эта история об исцелении молодого человека, который, как утверждают большинство исследователей Библии, страдал эпилепсией. Но на самом деле всё сводится к следующему: вопрос о чудесном исцелении больше не зависит от того, хочет или способен ли Иисус исцелить кого-либо от чего-либо, что сейчас является само собой разумеющимся. Скорее, вопрос в том, смогут ли это сделать Его ученики. Эта же история рассказана в Евангелии от Марка, и поскольку лучшая информация - это самая полная информация, мы прочитаем Евангелие от Марка, чтобы дополнить то, что говорит Матфей.

ПРОЧИТАЙТЕ МАРКА 9:14–29.

Обратите внимание, что рассказ Марка об исцелении практически в два раза длиннее рассказа Матфея. Ответ на вопрос, почему это так, остаётся открытым. Однако некоторые библейские комментаторы считают, что более поздние христианские редакторы изменили и удлинени Евангелие от Марка, чтобы сделать акцент в повествовании на более критическом отношении к ученикам Иисуса, что также подразумевает некую национальную еврейскую неполноценность этих «маловерных учеников», которые считали, что могут делать то, на что указал **Йешуа**: исцелять людей и изгонять бесов. Мой ответ заключается в том, что я просто не знаю, относится ли это к Марку или нет. Просто нет никаких доказательств «за» или «против», это просто мнения ряда исследователей Библии. Каждый автор Евангелия, как правило, был более или менее многословен в описании общего события, о котором они все рассказывают, и каждый из них, как правило, подчёркивал различные аспекты того или иного события. Некоторые авторы Евангелия упоминали о **Йешуа** то, что другие предпочитали не упоминать, и наоборот. Поэтому я склонен не придавать слишком большого значения более короткой версии Евангелия от Матфея или более длинной версии Евангелия от Марка. Я полагаю, что, объединив информацию, представленную в этих двух отчётах, мы получим более полный и обоснованный рассказ о том, что произошло.

Сказав это, трудно оспаривать тот факт, что, с точки зрения 3-х синоптических Евангелий, Евангелие от Марка наименее ориентировано на иудаизм, а также является самым жёстким в оценке евреев и иудаизма в целом, верующих или кого-либо ещё. Евангелие от Матфея наиболее ориентировано на иудаизм, и в нём меньше всего говорится о неудачах учеников и не возлагается слишком много вины на простых евреев, которые наивны в отношении своей собственной еврейской веры, поэтому их легко ввести в заблуждение, а также

они не понимают **Йешуа**: кто Он и что Он такое. Лука, вероятно, находится где-то посередине, потому что этот верующий-язычник отправился в путь вместе с еврейским апостолом Павлом по нескольким римским провинциям, населённым язычниками, посетил несколько синагог и, без сомнения, получил представление о еврейской культуре и традициях, а, следовательно, и о еврейской точке зрения. Таким образом, он демонстрирует очевидный уровень симпатии и родства к еврейскому народу, даже несмотря на то, что он говорит с точки зрения преимущественно нееврейского мировоззрения.

Вступительные слова ещё одной истории об одержимости бесами указывают на то, что многие ученики **Йешуа** отправились с Ним в близлежащее место, где произошло преображение. Спустившись с возвышенности, они почти сразу же наталкиваются на толпу (мы обнаруживаем, что Иисус стал настолько известен, что толпы людей ищут Его или следуют за Ним, куда бы Он ни пошёл). Неназванный человек просит **Йешуа** исцелить его сына от чего-то, напоминающего духа немоты. Нам нужно заметить, что толпы людей продолжают приходить ко Христу по той же причине, что и всегда: за исцелением. Они по-прежнему рассматривают **Йешуа** в первую очередь как цадика (еврейского святого-чудотворца). Мы не должны рассматривать концепцию спасения в том виде, в каком мы понимаем её сегодня, ни в одной из этих историй о чудесах. Я обращаю на это внимание, потому что, когда мы читаем почти все версии Библии, мы обнаруживаем, что в них человек говорит **Йешуа**: «Господи, сжался над моим сыном...». То есть слово «Господь» пишется с заглавной буквы и становится титулом. Эта заглавная буква используется для обозначения того, что человек, произносящий это слово, имеет в виду в религиозном или духовном смысле, что Иисус является божественным Спасителем и Мессией (Господом). Это просто не так, и ни в одном из евангельских повествований, относящихся к этому периоду жизни **Йешуа**, нет свидетельств того, что толпа обращалась к Нему с таким значением и пониманием. Полная еврейская Библия лучше всего передаёт смысл, когда вместо «Господь» используется «Господин». То есть отец мальчика проявляет уважение к Иисусу, и не только потому, что он чего-то от Него хочет. Он высоко ценит **Йешуа**, но также хочет, чтобы Иисус изгнал беса из его сына.

Интересно, что отец называет своего сына сумасшедшим, а не одержимым бесом. Используемое греческое слово *solemiazomai* буквально означает «поражённый луной», но сегодня «поражённый луной» означает «сумасшедший». В ту эпоху существовало суеверие, что Луна вызывает психические заболевания и ненормальное поведение. Отец продолжает говорить, что поведение его сына настолько ненормально, что он даже падает в огонь или в воду. То есть он совершает поступки, которые могут причинить ему вред.

В Евангелии от Марка эта история начинается несколько иначе. Он говорит, что **Йешуа** и Его ученики наткнулись на толпу людей, которые о чём-то громко спорили с книжниками (начальством синагоги). Когда толпа заметила, кто к ним приближается, некоторые из них подбежали к **Йешуа**. **Йешуа** спросил, о чём идёт такая шумная дискуссия, и ответил отец мальчика, который страдал от одержимости бесами. Марк приводит примерно то же описание того, что происходит с мальчиком, которое мы находим у Матфея. Однако он также добавляет, что некоторые из учеников **Йешуа** пытались исцелить мальчика, но не смогли. Вернёмся к Евангелию от Матфея.

Йешуа поворачивается к Своим ученикам и строго отчитывает их, по крайней мере, это довольно распространённое значение, придаваемое словам **Йешуа**. Но если присмотреться повнимательнее, то на греческом языке **Йешуа** говорит «ο γενεα απιστος και διεστραμμενη». Наиболее буквальный перевод гласит: «неверное и порочное поколение». Если Он не называет неверующим и порочным поколением ТОЛЬКО Своих учеников, то Он использует термин «порочное поколение», как Он делал это раньше, по отношению ко всем жившим в то время евреям, которые были слепы к знамениям последних дней, которые показал им Иоанн Креститель и доказательством чему является само присутствие **Йешуа**. Другими словами, это резкое заявление адресовано всей толпе, включая книжников и Его собственных учеников, всех присутствующих здесь. Он снова подразумевает, что количество времени, в течение которого Он будет рядом (жив), чтобы иметь возможность продолжать исцелять и восстанавливать людей, ограничено. Так что же произойдёт, когда Он уйдёт? Я почти не сомневаюсь, что подобные слова говорили своим детям все разочарованные матери и отцы: «Что ты будешь делать, когда меня больше не будет рядом?». Отец ранней Церкви Иоанн Златоуст смотрел на это так же.

После этих резких слов **Йешуа** говорит расстроенному отцу: «**Приведите мне его сюда!**». Согласно Матфею, исцеление состояло в том, что **Йешуа** запретил бесу, который был в мальчике. Бес ушёл, и мальчик был исцелён. Но Марк выбрал именно это направление.

Марка 9:20-27: «Они привели к нему мальчика; и как только дух увидел его, он бросил его на землю биться в конвульсиях. ²¹**Йешуа** спросил отца мальчика: «Давно это с ним происходит?» ²²«С самого детства, - ответил тот; - и он часто пытается убить его, бросая в огонь или в воду. Но если ты можешь что-нибудь сделать, сжался над нами и помоги нам!» ²³**Йешуа** сказал ему: «Что ты имеешь в виду, говоря, если можешь?» Всё возможно тому, кто верит!» ²⁴Тут же отец ребёнка воскликнул: «Я верю - помоги моему неверию!» ²⁵**Йешуа**, увидев, что народ начинает теснить их со всех сторон, запретил нечистому духу, говоря: «Дух глухоты и немоты!

Я приказываю тебе: выйди из него и никогда больше в него не возвращайся!» ²⁶Издав пронзительный вопль и вызвав у мальчика сильный приступ, он вышел. Мальчик лежал как мёртвый, и большинство людей думало, что он умер. ²⁷Но **Йешуа** взял его руку, поднял его, и он встал».

Итак, в Евангелии от Марка **Йешуа** продолжает обличать толпу, включая отца мальчика, а затем мы видим, как между **Йешуа** и злым духом, вселившимся в мальчика, происходит что-то вроде битвы, победить его было нелегко. Мы видим, как отец сомневается в том, что Иисус способен сотворить это чудо. В ответ на неверие отца мальчика в то, что Иисус может совершить чудо, Иисус предлагает ему сосредоточиться на себе и своей вере. Тон повествования у Марка на самом деле совершенно иной, чем у Матфея. У Матфея этот же человек падает на колени перед Иисусом, умоляя Его вылечить его сына, потому что другие ученики Христа не смогли этого сделать. Здесь нет и намёка на неверие или недостаток доверия к отцу. В Евангелии от Марка отец признаётся в недостатке доверия и даже просит Христа помочь ему с этой проблемой. Больше об этом ничего не говорится, нет никакого намёка на то, что **Йешуа** помог отцу обрести большее доверие. Несмотря на это, **Йешуа** успешно изгнал нечистую силу.

Мы снова сталкиваемся с вопросом о том, какого рода доверие, по словам **Йешуа**, люди должны испытывать к Нему, это остаётся невысказанным. Люди должны были верить в то, что Он **ца́дик**, который не может подвести? Конечно, речь не может идти о доверии к Нему как к божественному Мессии (по крайней мере, не сейчас), потому что Он велел Своим ученикам никому не говорить об этом ни слова. Возможно, это подразумевается в том смысле, что еврейский народ, подобно Петру, настолько доверяет Ему, что считает Его тем, за кого Он Себя выдаёт. Он может делать всё и в любом качестве. И, кроме того, их доверие должно быть достаточно велико, чтобы они никогда не отказывались от него и должным образом реагировали на всё, во что Он говорит им верить или что делать, независимо от обстоятельств. Я полагаю, что доверие, которого Он требует, это та же степень доверия, которого Он ожидал от Петра.

Возвращаясь к гораздо более краткой версии этой истории в изложении Матфея, в стихе 19 ученики спрашивают **Йешуа** о причине, по которой они не смогли исцелить мальчика от его проблемы. **Йешуа** отвечает словами, которые Он неоднократно говорил о состоянии Своих учеников: у них мало веры. То есть, в то время как в Евангелии от Марка **Йешуа** говорит толпе и отцу, что именно их недоверие помешало ученикам исцелить мальчика, в Евангелии от Матфея **Йешуа** возлагает вину только на Своих учеников.

В стихе 20 Иисус повторяет Своё предыдущее использование метафоры и притчи о горчичном зерне и говорит ученикам, что, если бы их вера была хотя бы такой же крошечной, они могли бы двигать горы. Друзья, это выражение не следует понимать буквально. Это также не притча, поэтому у этого выражения может быть несколько аспектов значения. Давайте также вспомним, что **Йешуа** никогда не перемещал крупные объекты, и поэтому у нас тоже нет таких возможностей, независимо от уровня нашего доверия к Нему. Его иллюстрация - запоминающееся преувеличение, контрастирующее с горчичным зерном: крошечный физический объект и большой физический объект. Хотя это и не притча, но, безусловно, идея перемещения гор имеет форму пословицы. И с этой точки зрения идея сдвинуть гору означает совершить невероятное или, с человеческой точки зрения, невозможное. Как говорят Дэвис и Эллисон: «Буквальное толкование нелепо», поэтому мы можем отбросить эту возможность. Таким образом, без сомнения, суть в том, что небольшая доля доверия может творить большие и невероятные вещи, следовательно, подразумевается, что большое доверие может сделать невозможное, невозможное с очевидной или земной точки зрения. Это просто поощрение и призыв полностью доверять Ему.

Здесь, когда мы сопоставляем различные версии Библии, мы сталкиваемся с проблемой, которая, как мне кажется, выходит далеко за рамки тривиального нюанса. Она заключается в следующем: в зависимости от вашей версии Библии вы увидите то или иное сочетание или употребление слов «доверие», «вера» и «убеждение». Кажется, что эти слова предназначены для обозначения разных вещей. Но в греческом языке все они происходят от одного и того же слова: *пистис* (в его различных грамматических формах) и, следовательно, также связаны с одним и тем же понятием. Я думаю, что в Полной Еврейской Библии это передано наиболее правильно, потому что в ней используется слово «доверие», чтобы понять, о чём говорит Христос. Почему это так? Это связано с тем, что означают слова доверие, вера и убеждение в современной культуре и как они используются. Слова имеют значение, но определение этого значения во многом зависит от эпохи и культуры. В современных культурах запада существуют важные различия между значениями слов «доверие», «вера» и «убеждение», даже если на первый взгляд мы об этом не задумывались. Возможно, несколько сотен лет назад в европейском обществе эти три слова означали нечто иное. Тем не менее, какая бы мысленная картина ни рисовалась нам сегодня при употреблении каждого из этих слов, это важно для правильной передачи предполагаемого сообщения.

Поскольку в греческом языке эти три слова, по сути, имеют одинаковое значение, давайте поговорим о том, что каждое из них значит для нас в наши дни, и начнём со слова «доверие». Для нас «доверие» - это позитивный термин, который означает твёрдо полагаться на что-то с убеждённостью и без

оговорок. Неудача или ошибка немыслимы. Доверие, особенно с библейской точки зрения, также связано с моралью. Это мысль о чём-то, на что я могу положиться, что является истинным независимо от условий в мире или хода истории, и то, во что я верю, меня не подведёт. Я могу сказать, что верю, например, в то, что солнце будет восходить каждый день, как это было всегда. В этом нет никаких сомнений. Однако в этом нет морального элемента, так что это не столько доверие, сколько вера.

Верить - это сознательное, интеллектуальное решение признать, что что-то является таким, каким мы его воспринимаем, или просто что оно существует. Вера - это преобладающая надежда на кого-то или что-то, и она может включать или не включать моральный элемент. Итак, вернёмся к началу нашего списка слов. Доверять **Йешуа** - значит безоговорочно зависеть от Него и от морали, которую Он предписывает. Доверие не может включать в себя идею сомнения или мириться с ней, равно как и не допускает альтернатив. Сомнение и доверие (особенно если речь идёт о духовном доверии) являются практически противоположными понятиями.

Сказать, что человек верит в **Йешуа**, означает, что человек признаёт, что **Йешуа** существовал. Мусульмане верит, что **Йешуа** существовал. Некоторые мусульмане, с которыми я встречался, уважают Его и тот образ жизни, который Он проповедовал. Но они не верят в Него, они не зависят от Него безоговорочно. На самом деле, они поклоняются другому богу, у них другая религия, они полагаются на другую священную книгу. Другой пример: я могу поверить, что стул существует, присутствует здесь и является чем-то, что предназначено для того, чтобы на нём можно было сидеть. Но я не доверяю этому на моральном или абсолютном уровне, я не принимаю интеллектуального решения, которое хотя бы отчасти способствовало бы моей душевной вовлечённости, безоговорочно положиться на этот стул. Мы знаем, что он может нас подвести, хотя такое случается редко. Но если бы это произошло, то, к нашему удивлению, мы бы не утратили веру в существование и назначение стульев.

Вера - это надежда на то, что что-то так и есть. Вере не обязательно присущ элемент морали. Но надежда (и, следовательно, вера) включает в себя сомнения и терпит их. Я могу надеяться на то, что пойдёт дождь, и в то же время на законных основаниях сомневаться в том, что он будет. Вера - это надежда на что-то ещё неосуществлённое, что, возможно, никогда не осуществится. Вера (надежда) также может быть выше простого интеллектуального убеждения или очевидности, и часто так и происходит. Я могу верить в то, что человечество по своей сути доброе, даже если факты свидетельствуют об обратном, и что доброта человечества - это путь, который в конечном итоге приведёт человечество к лучшему миру. Я могу надеяться

на науку как на нашего избавителя от всех земных проблем, которые беспокоят нас, даже несмотря на то, что до сих пор она, конечно, не поставила и не решила все проблемы, и нет убедительных доказательств того, что это когда-либо произойдёт. На самом деле, именно наука принесла нам сверхразрушительную атомную бомбу. Надежды, которые мы возлагаем на науку, или то, что она в настоящее время утверждает как факт, регулярно оказываются неверными и пересматриваются, чтобы мы могли надеяться на что-то другое. Вера (надежда) позволяет нам при необходимости переключить наши надежды на что-то другое. Доверие – нет, поэтому, когда доверие подводят, это не просто разочаровывает, это разрушает душу.

Хотя вы можете согласиться не со всеми моими определениями и примерами, суть в том, что именно такое значение этих слов преобладает в западной культуре 21-го века. Таким образом, мы должны быть очень осторожны с тем, какие слова переводчик Библии использует для обозначения того, что имел в виду **Йешуа** или автор Евангелия, и, следовательно, чего Он требует от нас, как от Его учеников. Поэтому, когда мы смотрим на греческое слово *πιστις* и его вариации, лучшее слово, которое передаёт правильное значение для нашего времени, – это доверие. **Йешуа** говорит, что мы должны доверять Ему. Мы должны безоговорочно полагаться на Него, независимо от наших обстоятельств. Это, конечно, идеал. «Будьте совершенны, как Я совершен», – говорит Господь. Осмелюсь сказать, что никто никогда не будет совершенным и не будет полностью доверять Богу. Книга Откровение показывает, что даже многие люди, которым будет позволено войти в тысячелетнее Царство, не будут обладать совершенным доверием, а некоторые потерпят такую неудачу, что не смогут прожить вечность с Богом. Эта полнота доверия, идеальное доверие, не наступит до тех пор, пока не появятся новая земля и небеса. Но это то, к чему мы должны стремиться, поскольку **Йешуа** является объектом нашего доверия и идеалом того, как это выглядит.

Стих 21 присутствует не во всех древнегреческих рукописях, и Полная Еврейская Библия не использует его, в отличие от большинства других Библий. Поэтому считается, что из-за того, что Матфей не использовал некоторые слова, которые Марк считал важными, более поздний христианский редактор добавил их.

Марка 9:29: «Он сказал им: «Дух такого рода можно изгнать только посредством молитвы».

Независимо от того, было ли это подлинное высказывание Христа или нет, оно было произнесено в ответ ученикам **Йешуа** как своего рода указание от Него, ответ на вопрос о том, как можно избавиться от этого особого вида злого духа (того, который не желал сдаваться без боя). Однако то, как это было вставлено в Евангелие от Матфея, представляет собой продолжение высказывания

Иисуса о степени доверия, которую должен иметь человек. Поэтому оно было слегка изменено, чтобы соответствовать определённому сценарию. Оригинально это утверждение Христа или нет, не так уж важно, потому что, в конце концов, то, что в нём говорится, верно: мы никогда не сможем достичь того высокого уровня доверия к **Йешуа**, который нам нужен, без молитвы и поста. То есть мы должны приложить усилия, предпринять личные действия и умолять Отца в молитве, а не просто пассивно ждать, когда Он решит оказать нам большее доверие.

Иногда говорят, что стихи 22 и 23 не на своём месте, что они были добавлены позже христианскими редакторами. Давайте прочтём их.

ПРОЧИТАЙТЕ МАТФЕЯ 17:22-23.

Возможно, эти несколько слов представляют собой работу более позднего редактора, хотя я легко вижу, как это напрямую связано с тем, что **Йешуа** сказал в евангелии от Марка о том, что Он не всегда будет с ними. С другой стороны, Матфей полностью переносит место действия в знакомую область Галилеи, поэтому в Евангелии от Матфея, похоже, нет больше слов о Его собственной кончине, как это показано в 9 главе Евангелия от Марка. Скорее всего, у Матфея совершенно другой сценарий. Зачем ещё одно заявление о Его неминуемой смерти, когда Он уже достаточно ясно дал понять, что Пётр сам себя подставил под удар, оспаривая это? Потому что это добавляет важную информацию: казнь **Йешуа** будет ускорена из-за элемента предательства. Таким образом, причина печали учеников заключается не только в том, что Он скоро умрёт, но и в том, что Он попадёт в руки тех, кто желает Ему зла. Следует также отметить, что способ Его казни ещё не упомянут. Ученики, конечно, могли бы подумать о побивании камнями, потому что именно так синедрион часто поступал с евреями, виновными в религиозных преступлениях (хотя формально Рим запрещал это). Вопрос о распятии всё ещё не стоит, хотя, поскольку распятие было обычным методом казни, применявшимся римлянами для еврейских преступников, это тоже было легко представить в качестве способа смерти Христа.

Йешуа, конечно же, напоминает Своим ученикам, что Он воскреснет из мёртвых через 3 дня. Этот факт, похоже, не обрадовал их, и в основном по причинам, которые мы обсуждали ранее. В I веке воскрешение имело несколько значений, и какое из них их Учитель предсказывал для Себя, было совершенно неясно. Но независимо от того, что это могло быть, сначала Он должен был умереть. И со всех сторон, с какой бы обычный еврей ни рассматривал это, предсказанный Мессия не должен был умирать, он должен был убивать врагов и освобождать Своих соотечественников. Им предстояло переосмыслить всю эту историю с Мессией и то, что означало обещание Иисуса о воскресении.

Давайте перейдём к заключительной части 17 главы Евангелия от Матфея.

ПРОЧИТАЙТЕ МАТФЕЯ 17:24-27.

Это история о храмовом налоге и о том, должны ли ученики платить его. Скорее всего, она произошла в марте (еврейский месяц Адар), незадолго до Пасхи. Согласно Иосифу Флавию, это было традиционное время уплаты храмового налога в размере 2 римских драхм, и Филон подтверждает это и добавляет, что его должны были платить все взрослые евреи старше 20 лет. История о храмовом налоге появляется только в Евангелии от Матфея. Вероятно, потому, что Матфей сам был евреем, и поэтому вопрос уплаты храмового налога был для него важен. Он также был верующим, поэтому то, что **Йешуа** сказал по этому поводу, было его руководством и тем, чему, по его мнению, должны следовать все евреи.

Йешуа и Его ученики сейчас вернулись в Капернаум, где Иисус, вероятно, жил с семьёй Петра. Там к ученикам приходят представители храма и спрашивают, почему их Учитель не платит храмовый налог. Пётр, как всегда, вступает в перепалку и говорит: «Конечно, платит». Возникает вопрос, почему сборщики налогов вообще задают такой вопрос? Известно, что галилеяне не слишком стремились платить этот налог, поскольку считали тех, кто управлял храмом, незаконными и коррумпированными (и так оно и было). Большая часть пожертвованных денег просто оседала в карманах первосвященника и его семьи. Обратите внимание, что в стихе 25 говорится, что, когда Пётр вернулся домой, **Йешуа** заговорил первым (что более или менее подтверждает тот факт, что **Йешуа** всё ещё жил с Петром). И Иисус открывает то, что, по сути, является дискуссией, выражаясь еврейским языком, **мидрашем**, о том, кто из евреев должен (а кто не должен) платить этот храмовый налог. Первый, к кому Он обращается, - это тот, кто выступал от имени Иисуса и сказал о том, что Он платит налог. **Йешуа** формулирует Свой вопрос следующим образом:

Матфея 17:25: **«Шимон, как ты думаешь, земные цари с кого собирают пошлины и налоги? Со своих сыновей или с других людей?».**

Пётр отвечает: «С других». Итак, говорит **Йешуа**, тогда сыновья освобождаются. Пожалуйста, обратите внимание, я сказал, что это касается храмового налога, но на самом деле это предположение. Слов «храмовый налог», которые мы находим в наших Библиях на самом деле нет в греческом, это тоже предположение переводчиков. Большинство комментаторов Библии предполагают, что речь идёт о храмовом налоге, но есть и другие, которые этого не делают и думают, что речь идёт о каком-то римском налогообложении. Было выдвинуто довольно много аргументов в поддержку каждой позиции, но ни один из них, на мой взгляд, не является убедительным. Одна из причин, по которой я склоняюсь к тому, что это храмовый налог,

заключается в том, что историки утверждают, что 2 римские драхмы были эквивалентны половине шекеля, а половина шекеля была ежегодным взносом, который все евреи должны были вносить на поддержку храма. Совпадение слишком явное, чтобы его не заметить.

На этом мы остановимся, а на следующем уроке закончим изучать эту историю, которая имеет для нас ряд последствий.